

ПОЛИТИКА

Л. Г. Фишман

ПОМОЖЕТ ЛИ «ДУХОВНОСТЬ» РОССИЙСКОМУ КАПИТАЛИЗМУ?¹

Ключевые слова: социальный капитал, духовность, капитализм, религия, культурное наследие, периферийность

¹ *Статья подготовлена в рамках проекта конкурсных исследований Института философии и права УрО РАН 12-Т-6-1002 «Эволюция социально-политических и правовых регуляторов современного общества».*

Не так давно по меркам истории наук об обществе заговорили о том, что социальные и особенно экономические институты современных (читай — капиталистических) обществ нуждаются в так называемом социальном капитале. Стало очевидно, что для функционирования капитализма социальный капитал требовался всегда. Вначале и довольно долго капитализм пользовался преимущественно тем капиталом, который унаследовал от традиционного общества. При этом он разрушал источники наличного социального капитала, пусть даже и не ставя такой цели сознательно. И этот факт констатировался едва ли не с самого возникновения капитализма. Тут можно вспомнить знаменитую фразу Карла Маркса о «ледяной воде эгоистического расчета», в которой потонули всяческие сантименты Средневековья. Ближе к концу XX в. выяснилось, что источники прежнего социального капитала иссякают. По словам Эрика Хобсбаума, «точно так же, как мы считаем само собой разумеющимся наличие воздуха, которым мы дышим и благодаря которому возможна вся наша деятельность, капитализм считал само собой разумеющейся ту унаследованную от прошлого атмосферу, в которой он существовал. Он только тогда обнаружил, как важна была эта атмосфера, когда она стала исчезать...»²

² Хобсбаум 2004: 367.

Что такое социальный капитал? Социальным капиталом называют культурное наследие, которое не порождается капиталистическими отношениями непосредственно, но необходимо для их поддержания и функционирования. В это наследие входят моральные нормы, социальные институты, межчеловеческие отношения, регулируемые посредством данных норм и в рамках соответствующих институтов, сами люди, которые до известной степени являются продуктом этих отношений. В конечном счете социальный капитал — это человеческий капитал³. Когда в западных исследованиях указывается на дефицит социального капитала⁴, то имеется в виду, что его недостаточно для функционирования капиталистических отношений, что он в какой-то мере для них непригоден. По умолчанию же считается, что капитализм — главный системообразующий атрибут современных обществ. Таким образом, недостаток социального капитала, рассматриваемый, к примеру, как дефицит доверия, тождествен распаду социальных связей современного общества.

³ Подробнее см. Сысоев 2008.

⁴ См., напр. Фукуяма 2003.

Но общества на самом деле пока не распались. Если они существуют не только благодаря инерции социальных и политических институтов, значит, в них вырабатывается и некое культурное содержание, которое, правда, не совсем удовлетворяет запросам капитализма. Может быть, оно недостаточно для капитализма, может — избыточно, а возможно, и то и другое разом. Социальный же капитал — это та часть культурного содержания, которая функциональна для капиталистических рыночных отношений. Недаром она и называется социальным *капиталом*. Этот факт признается западными исследователями на терминологическом уровне.

⁵ См., напр. Бьюкенен 2003.

Многие западные политики, особенно из консервативного лагеря, говорят о том, что утрачиваются традиции, культура, религия, моральные нормы и т.д.⁵, то есть источники социального капитала. Другие, очевидно, склонны верить, что современное общество создает новые источники этого капитала. В любом случае политиков беспокоит тот неуловимый капитал, который требуется для работы социальных и политических институтов. Проблемы возникают в связи с тем, что любого рода понятия, касающиеся источников социального капитала, избыточны по отношению к самому социальному капиталу, который, повторим, рассматривается с точки зрения его необходимости для функционирования капитализма. Поэтому отсылки к культуре, религии, морали в устах политиков, жаждущих найти источник социального капитала, по необходимости избирательны.

Сходным образом обстоят дела и у нас.

Россия, что бы там ни говорили, страна капиталистическая. Она встала на путь капитализма сравнительно недавно, отчего недостаток требующегося для его развития социального капитала бросается в глаза особенно сильно. Этот недостаток давно был осознан российской политической элитой, и она так же, как и западная, озабочена поиском источников социального капитала. В последнее время в качестве такового стала восприниматься «духовность» или, с подачи Владимира Путина, «духовные скрепы».

Сами по себе разговоры о русской духовности не стихают уже много лет. В этих разговорах понимание духовности размыто и не поддается четким определениям. Духовность часто трактуется как нечто противостоящее сугубо материальному, как высокое нравственное начало, которое есть в человеке. Однако когда речь о духовности ведут христиане, ее рамки определяются жестче. Католики в этом нередко солидарны с православными. Как замечает профессор Московской духовной академии Алексей Осипов, «очень многие не видят различия между нравственностью и духовностью, многие сводят всю порядочность человека и святость его к одной морали. Увы, это беда, совсем не о морали говорит христианство, оно говорит о духовности»⁶. В свою очередь, бывший настоятель католического храма св. Розария во Владимире о. Стефан Каприо подчеркивает, что на Западе слово «духовность» не применяется в светских измерениях, оно представлено толь-

⁶ Осипов б.г.

ко в измерениях религиозных — «церковных и не церковных, но религиозных»⁷.

⁷ *О духовности 2006.*

Иначе говоря, из христианского (религиозного) призыва к духовности трудно сотворить политическую и экономическую программу. Церковное слово «духовность» означает «ту сферу сокровенной жизни каждого человека, где человек решает проблемы веры», и потому апеллирующие к этому понятию чиновники и политические деятели должны вызывать смех у «профессионалов духовности», ибо духовность есть область исключительно личной религиозности⁸.

⁸ *Там же.*

В этом плане высказывания Путина о необходимых нашему обществу «духовных скрепах» выглядят достаточно определенными. В 2012 г. в своей предвыборной программе он заявлял, что духовность и единство российского народа для него приоритетны: «Нужно воспитывать приверженность семье, ответственность за судьбу Отечества, уважение к людям, учить беречь природу. Это обогатит наше общество, объединит его для новых свершений. Наша сила — в духовном богатстве и единстве многонационального российского народа. Возрождению и укреплению этих ценностей мы будем всемерно содействовать через развитие культуры, сотрудничество с традиционными религиозными конфессиями»⁹. В декабре того же года президент произнес вызвавшую бурное обсуждение фразу: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи — дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились»¹⁰.

⁹ *Предвыборная программа б.г.*

¹⁰ *Послание б.г.*

Какую же духовность имеет в виду Путин? Это понимание духовности нельзя назвать однозначно христианским, вообще религиозным. Оно включает в себя совокупность типично светских добродетелей, которые последовательные христиане уже давно считают не более чем «блестящими пороками». То, что Путин назвал духовностью и «духовными скрепами», — это набор качеств, необходимых для эффективного функционирования социальных и экономических институтов. Таким образом, речь у него на самом деле идет о социальном капитале.

Итак, с точки зрения правящих элит (и не только их), нашему обществу не хватает именно социального капитала, то есть неких «скреп» — «духовных скреп». Скрепы надо восстановить. Но тут-то и обнаруживается избыточность духовности как источника социального капитала. Ведь из сказанного выше очевидно, что как бы расширительно ни толковалось понятие духовности, оно в своих основаниях религиозное; все прочие атрибуты духовности вторичны.

У нас духовность по своим корням православно-христианская. Какие проблемы возникают, когда конкретно *эта* духовность рассматривается как социальный капитал для строительства российского капитализма? Прежде всего та, что совместимость духовности в ее православно-христианском понимании с капитализмом весьма спорна. Когда православные, да и не только, авторы говорят о капитализме, они

¹¹ См., напр. Бородай 1990.

обычно связывают его с протестантской духовностью¹¹. Духовность же православная относится к капитализму в лучшем случае с подозрением. Ее приверженцы как минимум полагают, что капитализм должен находиться под христианским моральным контролем. (А это не то же самое, что поставлять социальный капитал капитализму.)

Так, святитель Тихон Задонский учил, что «все богачи — приставники и приказчики Божии, а не хозяева. Бог один хозяин и господин всякого добра и богатства, и кому хочет, дает его и дает на общую пользу...

Употребляй богатство не на прихоти мирския и плотския, не на богатые трапезы, дома, кареты, сосуды, одеяния <...> но со страхом и смирением, яко не свое, но Божие добро, умеренно и воздержно, на нужды, а не на плотоугодие; помни, что за расход его ответ Богу отдати имеши: расходчик еси, а не хозяин, строитель, а не господин. Един бо Господь есть Господь имений наших, как и всего мира: пред Тем следует нам явиться и ответ за все отдать. <...> Дается бо нам богатство не ради нас единых, но и ради ближних наших, которые того требуют. Видишь, как несправедно делают люди, когда тое добро, которое дано на общую пользу, на свои прихоти расточают, и так воле Божией противятся»¹².

¹² Свт. Тихон Задонский б.г.

Многие считают, что до определенной поры так и было, но потом капитализм вырвался из-под контроля. По мнению Иммануила Валлерстайна, как только на пороге Нового времени сила социальной оппозиции капитализму ослабла, произошло фундаментальное изменение: «Вместо того чтобы назвать его „подъемом Запада“, как это обычно и самодовольно делается, я предпочитаю говорить о „моральном коллапсе Запада“»¹³. Относительно лояльный к капитализму Сергей Булгаков полагал, что капитализм хотя и вырос из христианской трудовой этики, в дальнейшем подменил ее этикой «экономизма»¹⁴. Как отмечает исследовавший его взгляды Александр Посадский, «капитализм, модернизация, развитие научной рациональности, безусловно, могут быть увидены как порождение христианского духа Европы», однако «при „выпадении“ из христианского контекста, „отрыве“ от христианской духовной оси, поглощении языческой религией консюмеризма цивилизационное развитие способно провоцировать глобальные конфликты, усиление экономического неравенства, экологические катастрофы»¹⁵. Менее терпимо настроенные к капитализму авторы прямо утверждают, что он в принципе несовместим с христианством, ибо представляет собой особую религию, догматы которой во всем христианстве противоречат¹⁶. При такой точке зрения нетрудно прийти к заключению, что *капитализм как духовное явление противоположен христианству*.

¹³ Валлерстайн 1997: 17.

¹⁴ См. Посадский б.г.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. Катасонов б.г.

Возвращаясь к вопросу о христианско-православной духовности как возможном социальном капитале для строительства российского капитализма, следует напомнить, что именно эта духовность, пронизывавшая крестьянскую общину, долгое время служила преградой развитию капитализма в России. И если капитализм на какое-то время вос-

торжествовал, то вовсе не потому, что обрел в этой духовности источник социального капитала, а потому, что подорвал ее. Это было очевидно уже в конце XIX в. Скажем, писатель Глеб Успенский удивлялся, что «сто лет тому назад можно было публично, с кафедры большого губернского города, прямо, открыто и безбоязненно говорить о правде человеческих отношений. Подите-ка пикните теперь об этой правде не только в губернском городе, с кафедры собора, а в деревне — посмотрите, чем отплатят проповеднику за эту смелость волостные старшины...»¹⁷ В русской деревне, констатировал он, уже не осталось «человека, который бы мог заикнуться о той правде, которую Бог видит и которую говорит устами людей... Напротив, все на стороне хищника. На стороне его земельное расстройство масс, расстройство это гонит их к хищнику внутренне обессиленными, сознающими свое ничтожество гораздо сильнее, чем сознавал его Платон Каратаев»¹⁸.

¹⁷ Успенский 1956: 161.

¹⁸ Там же: 203.

Один из логичных выводов из таких рассуждений состоит в том, что русская православная духовность была источником скорее советской версии социализма, во многом пронизанной общинным коллективизмом и христианскими представлениями о правде, чем какой бы то ни было версии капитализма. Об этом писали многие. Например, Николай Бердяев замечал, что «лучший тип коммуниста... возможен только вследствие христианского воспитания человеческих душ»¹⁹, Федор Степун воспринимал большевизм как «псевдоморфозу» русской религиозности²⁰. Характерно, что с такой точкой зрения солидаризировались и некоторые зарубежные современники большевизма. Так, отвечавший Степуну Оскар Шмитц также указывал на присущее русскому капитализму жесточайшее противоречие между средневековым социальным капиталом и социальным бытием капиталиста: «Бюргер Афанасий Павлович... или любой другой, не важно, как его зовут, — это человек, который зарабатывает деньги торговлей и умственные, духовные потребности которого полностью укладываются в общепринятые, свято почитаемые формы благочестия»²¹. Не таков европеец, который «уже перерос средневековую духовность и люциферово отпадение от Бога... который прошел путь от Возрождения до „homo technicus“ наших дней» и которому «признание святости жизни, смыкающей бездну между духом и низменным инстинктом за счет превращения последнего в средство достижения первого... говорит... больше, чем все русское пустословие о грехе, вынужденное для объяснения антиномии Бога и мира постоянно привлекать черта»²².

¹⁹ Бердяев 1990.

²⁰ Федор Степун 2010: 594.

²¹ Там же: 607.

²² Там же: 630.

Подводя итог, следует сказать, что из всех образцов русской религиозной духовности только, пожалуй, старообрядчество может трактоваться как аналог наиболее предрасположенной к капитализму религии — протестантизма, да и то с большими оговорками. (Впрочем, и сам протестантизм, несмотря на устоявшуюся традицию считать его прародителем капиталистического духа, при своем возникновении был настроен скорее антикапиталистически.) Не относится к капитализму позитивно и так называемое родноверие, представляющее собой в иде-

ологическом смысле что-то вроде смеси национализма с экосоциализмом. Словом, с какой бы стороны мы ни рассматривали русскую духовность в религиозном понимании, она в любом случае предстает как весьма сомнительный источник социального капитала.

Итак, русская религиозная духовность — даже не пассивный социальный капитал для капитализма, а его оппонент и жертва. Но это верно лишь при условии, что религиозная точка зрения выдерживается достаточно последовательно: «не можете служить Богу и маммоне»²³! Однако социальная значимость религии как раз и заключается в том, что в чистом виде религии в пределах только веры нет нигде, строгое религиозное мышление — удел малого числа святых, учителей церкви, «теоретиков». К религиозному суждению всегда примешивается суждение политическое, отсылка к культурной, национальной, социальной специфике текущего момента, к реалиям конкретного общества. Конкретно-исторические формы религии, в данном случае христианства, подразумевают укорененность в столь же конкретных институтах и практиках со всеми сопутствующими им моральными нормами и политическими стереотипами, которые относятся скорее не к тому, чему учили Христос и апостолы, не к «просто христианству» (о котором писал Клайв Стейплз Льюис²⁴), а к его симбиозу, например, с государственной властью, экономическим устройством общества и т.д. Дело осложняется еще и тем, что старый социальный капитал отягощен вполне определенным политическим и идеологическим подтекстом, который в современных условиях выглядит утопично или даже гротескно (казаки и т.п.) И все это историческое наследие также включается в значительно расширившиеся рамки духовности, продолжающей при этом считаться преимущественно религиозным явлением. В действительности же это явление национально-культурное, один из вариантов обоснования идентичности.

Русская духовность трактуется как национальный феномен, присущий именно и только русскому народу. Она проявляется «как ответственность за Россию и свой народ; соборность („На миру и смерть красна“); тяготение к размышлениям о том, что такое Россия, в чем ее сущность, призвание и место в мире; сильная межпоколенная связь (русский народ любит „родниться“); сердечное восприятие красоты и доброты мира, целостное их постижение, а не вразбивку по аспектам и частям; целостно-синтетическое понимание; поиск смысла своего отношения к Богу; совестливость как основа нравственной оценки своих и чужих поступков (генетическая тяга к справедливости)»²⁵.

К сфере русской духовности относят и известные представления о высшем предназначении России. Вспоминают «Москву — третий Рим» (Филофей), «всемирную отзывчивость русского человека» (Федор Достоевский), самобытность духовную, умственную и бытовую (Константин Леонтьев), мессианскую роль православия (Евгений Трубецкой, Дмитрий Мережковский, Павел Флоренский и др.), роль России как связующего звена между Западом и Востоком (Бердяев), построе-

²³ Мф 6, 24.

²⁴ Lewis 1943.

²⁵ Русская духовность б.з.

ние общественно-экономического порядка, справедливого по отношению к народным массам (Николай Данилевский, Владимир Ленин)²⁶. Сюда же попадают рассуждения о крепости и здравости русского духа, о стремлении жить большим государством и решать глобальные задачи, такие как «защита страны и даже планеты от любого агрессора, выход в космос, проповедование всему миру русской культуры и духовности»²⁷.

²⁶ Емельянов 2012.

²⁷ Там же.

В то же время, по словам Игоря Панарина, наряду с ценностями православия и других традиционных религий Евразии, русская духовность непременно подразумевает державность, государственность, а также достоинство (личности, семьи, государства). Любопытно, что вначале вместо достоинства Панарин хотел включить в этот список демократию²⁸ — но, видно, демократия с русской духовностью оказалась несовместима.

²⁸ Панарин 2012.

Именно в этом, уже не совсем чистом, виде духовность может служить источником социального капитала для определенной версии капитализма — капитализма периферийного, отсталого, подчиненного центру капиталистической миросистемы и потому вынужденного опираться на социальные практики и идеологии, консервирующие эту отсталость и подчиненность. Как точно заметил Виктор Мартьянов, «основной парадокс современной России состоит в том, что ее элиты всеми силами стремятся контролировать открытое урбанистическое общество изжившими, патриархальными практиками»²⁹.

²⁹ Мартьянов 2010: 54.

У нас «сырьевой авторитаризм», «авторитаризм без развития», в рамках которого элиты, равно как и все общество, достигли негативного консенсуса, отрицающего саму идею модернизации. Другое дело, что на уровне государственной власти и высшего чиновничества постсоветской России периферийность открыто не признается чем-то желательным. Поэтому ведут речь о необходимости модернизации, что должно означать переход к более современной версии капитализма. Но эта версия требует иного типа социального капитала, который отчасти порождается уже классическим капитализмом. С точки зрения производства социального капитала тот не совсем уж пустое место и полный паразит, хотя первоначально так кажется многим. Он создает, в частности, свою деловую корпоративную этику, этику «экономического человека» или, говоря словами Адама Смита, «разумного эгоиста», в которой природный эгоизм сочетается с альтруистическими чувствами. Тем самым стремление к индивидуальной наживе начинает работать на общественную выгоду. Как пишет Фрэнсис Фукуяма, «рыночный обмен способствует обычаям взаимности, простирающимся от экономической к моральной жизни. Моральный обмен способствует личному интересу людей, которые в нем участвуют. Жесткое разделение, которое часто проводят между личными интересами и моральным поведением, во многих случаях трудно осуществить»³⁰.

³⁰ Фукуяма 2003.

Однако сейчас капитализму необходима не только этика разумного эгоизма, но и социальный капитал, который порождается современ-

ным обществом. Этот новый социальный капитал может осмысливаться, к примеру, как «человеческий потенциал», наращивание которого в наиболее экономически развитых странах «является ресурсом и фактором создания knowledge-based economy, в развивающихся обществах — инструментом преодоления бедности и разрыва порочного круга „бедность—необразованность—бедность“, что отличает современное „государство развития“ („new developmental state“) от его предыдущей версии („old developmental state“), основанной на представлениях о первоочередности экономического по отношению к социальному: „Сегодня мы наблюдаем инверсию социального и экономического по сравнению с периодом индустриализации: социальное выдвигается на первый план, экономическое подчиняется его императивам“^{31,32}.

³¹ Иноземцев 2009: 144—145.

³² Гаман-Голутвина 2010.

Нетрудно заметить, что этот вид социального капитала явно порожден не только нуждами капитализма — он скорее избыточен по отношению к нему. Его условно можно назвать «социальным капиталом будущего». Однако современный российский капитализм вкупе с политическим режимом в значительной мере разрушили и продолжают разрушать именно те институты и практики, которые и создавали социальный капитал будущего. Например, систему школьного и высшего образования, воспитания и культуры, социальное государство, развитую наукоемкую индустрию. Общество чувствует ущербность этого капитализма и может выражать свое недовольство в том числе и ссылкой... на все ту же духовность.

Но упования на духовное возрождение как источник решения всех проблем — не более чем свидетельство межеумочного состояния российских власти и общества эпохи периферийного капитализма, а главное, того, что *этот капитализм не смог выработать собственного социального капитала*, способного обрести современный облик. За неимением гербовой пишем на простой — приходится прибегать к духовности. В какой-то мере антикапиталистическая направленность понятия «духовность» порождает иллюзию, что возможна коррекция неприглядного российского капитализма, что его можно держать под ценностным контролем, что некие «духовные скрепы» спасут наше общество от распада. Однако апелляция к духовности — в любом случае апелляция к ее избыточности. Культурное наследие, частью которого является социальный капитал, отсылает к старому обществу с его религиозной духовностью, а новое культурное содержание опять же избыточно по отношению к капитализму. Но если нет «избыточности будущего», остается «избыточность прошлого». А это в нашем случае отчасти плохо совместимая с капитализмом религиозная духовность, отчасти совокупность мифов, пригодных только для становления периферийного капитализма вчерашнего дня. В результате недостаток «духовных скреп», равно как и более современного социального капитала, ощущается правящими элитами все сильнее.

Что мы имеем в итоге? Когда взыскиют духовности, на самом деле взыскиют социального капитала. Но социальный капитал — это не

одни только добродетели и идеологические мифы, к которым хотят все свести. Социальный капитал — это прежде всего тип культуры, который порождается определенным обществом. Это может быть развитое индустриальное общество с его многочисленными достижениями в области науки, техники, регулирования социальных проблем. Однако именно оно сейчас активно разрушается. Это может быть традиционное общество, которое, по мере разложения индустриального общества, хотят возродить выборочно — в сфере морали, идеологии и политических практик. Но возродить традиционное общество полностью нельзя, потому что нельзя возродить аграрную экономику, сословность и прочие подобные источники как материального, так и социального капитала для капитализма. Нельзя, к примеру, возродить традиционную семью, ибо «правила и принципы поведения, характерные для патриархальной сельской общины XVII в., не только обречены на поражение, но объективно работают именно на развал семьи — они дискредитируют и подрывают в обществе принципы свободы личности, рационализма и взаимоуважения людей, предлагая им на замену нормы, которые все равно не выполнимы и не будут выполнены, поскольку как минимум требуют возврата к полунатуральному хозяйству»³³.

³³ Кагарлицкий
2013.

Разглагольствования о духовности — самообман, порожденный в равной степени стремлением хоть как-то регулировать процесс распада индустриального общества в России и реальностью периферийного капитализма с его «сырьевым авторитаризмом» и «неразвитием». Нынешняя ситуация характеризуется разрушением возможностей производства «социального капитала будущего» и объективной невозможностью воспроизводства в полной мере «социального капитала прошлого», который помог бы удержать остатки индустриального общества или построить капитализм образца первой половины XX в. Разговоры о духовности не приведут к воссозданию традиционного общества, которое могло бы дать социальный капитал для развития капитализма. Зато они могут привести и уже приводят к обреченным на провал попыткам навянуть некие «духовные скрепы» принуждением.

Библиография

Бердяев Н. 1990. *Истоки и смысл русского коммунизма*. — Париж (<http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn015.htm>).

Бьюкенен П. 2003. *Смерть Запада*. — М.

Бородай Ю.М. 1990. Почему православным не годится протестантский капитализм? // *Наш современник*. № 10.

Валлерстайн И. 1997. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // *Социс*. № 1.

Гаман-Голутвина О. 2010. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // *Вестник МГИМО(У)*. № 4 (http://www.perspektivy.info/rus/gos/avtoritarizm_razvitija_ili_avtoritarizm_bez_razvitija_sudby_modernizacii_na_postsovetskom_prostranstve_2010-11-19.htm).

Емельянов В.Ю. 2012. *Антропологические проблемы духа* (http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=377966).

Иноземцев В. (ред.) 2009. *Модернизация России: условия, предпосылки, шансы.* — М.

Кагарлицкий Б. 2013. Одичание // *Рабкор.ру*. 19.02 (<http://rabkor.ru/debate/2013/02/19/odichanie>).

Катасонов В.Ю. *Капитализм как религия* (http://chri-soc.narod.ru/kat_kapitalizm_kak_religia_I.htm)

Мартьянов В.С. 2010. Инволюция элиты в обществе Модерна // *Политэкс*. Т. 6. № 3.

О духовности: *Беседа на Радио «Свобода»*. 2006 (<http://www.gazetaprotestant.ru/2006/04/o-duhovnosti/>).

Осипов А.И. *Нравственность и духовность* (http://azbyka.ru/nravstvennost_i_duhovnost/2gl-all.shtml).

Панарин И. 2012. *Формула «Духовность. Державность. Достоинство» сделает Россию сильной* (<http://spravedlivo-online.ru/polls/polls.php?news=29108>).

Посадский А.В. *Духовные основания капитализма в контексте философии хозяйства С.Булгакова* (http://www.pokrov-forum.ru/science/prav_phil_kult/statia/kapitalizm_bulgakov-s14.php?print=Y).

Послание Президента Федеральному Собранию (<http://eurasianews.md/politics/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu.htm>).

Предвыборная программа кандидата в президенты РФ В.В.Путина (<http://www.science63.ru/press-sluzhby-vuzov/295-predvybornaya-programma-kandidata-v-prezidenty-rf-vvputina.html>).

Русская духовность (<http://www.psyoffice.ru/6-1010-ruskaja-duhovnost.htm>).

Свт. Тихон Задонский. *Сокровище духовное, от мира собираемое* (http://www.golden-ship.ru/knigi/3/tihon_zadonsk_SDomS.htm).

Сысоев С.А. 2008. Институциональный аспект исследований социального капитала // *Экономика образования*. № 4 (<http://newpoliteconomy.org/publications/articles/10.pdf>).

Успенский Г.И. 1956. *Собрание сочинений: В 9 т.* Т. 5. — М.

Федор Степун и Оскар А.Х. Шмитц: Два взгляда на «русскую идею». 2010 // Багно В.Е., Маликова М.Э. (ред.) *К истории идей на Западе: «Русская идея»*. — СПб.

Фукуяма Ф. 2003. Истощает ли капитализм социальный капитал? // Фукуяма Ф. *Великий разрыв.* — М. (<http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3232/3247>).

Хобсбаум Э. 2004. *Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991)*. — М.

Lewis C.S. 1943. *Mere Christianity.* — L.